

Застолье Петра Вайля

издательство **АСТ**

Москва

Письменный стол

Литература, язык, книги

Беспечный педант

Петр Вайль в беседе с Иваном Толстым

ИВАН ТОЛСТОЙ. Давайте о корнях. Что за фамилия Вайль?

ПЕТР ВАЙЛЬ. Все Вайли — из Эльзаса. У нас в семье была такая легенда, над которой я долго посмеивался и даже стеснялся рассказывать. Считалось, что предки наши пошли от наполеоновского солдата, даже называлась его специальность, не вполне почтенная, — барабанщик, который с Наполеоном пришел в Россию и то ли раненый, то ли пленный там осел. И от него пошли русские Вайли. И вот однажды в Америке, в Чикаго, на какой-то конференции, где все ходят с табличками на груди, я увидел человека с такой же фамилией, как у меня. Подошел, мы разговорились. Рассказал ему эту легенду, опять-таки со смешком. А он говорит: “Вы напрасно смеетесь. Все совершенно точно: Вайли из Эльзаса. Мои корни оттуда, и знаменитый Курт Вайль, и знаменитая Симона Вайль. Это все эльзасские евреи”.

И.Т. А кто он был сам?

П.В. Обычный американец. Потом, через несколько лет, попав в Эльзас, я обнаружил город, который называется Вайль-на-Рейне, и сфотографировался возле путевого знака. Так что, видимо, семейная легенда оказалась правдивой. По отцовской линии мы оттуда. Но дед мой уже был коренной москвич, работал библиотекарем, и отец родился в Москве.

- И.Т.** А как вас занесло на окраину империи, в Ригу?
- П.В.** На окраину империи нас занесла война, не меня, конечно. Отец ушел на фронт ополченцем. В 41-м он уже был взрослым человеком — тридцать лет, высшее образование, инженерно-строительное. Был рядовым, старшиной роты. А потом разобрались, что он знает в совершенстве немецкий. Отец немецким владел как русским: кончал знаменитую Петершуле в Москве, школу с обучением на немецком языке. Его взяли в отдел пропаганды среди войск противника, где он стал офицером, естественно. Закончил войну в звании капитана и четыре года служил в Германии, до 49-го года. Там, кстати, родился мой старший брат — в 46-м в Иене. Об этом — моя первая фраза на иностранном языке, произнесенная в четыре года.

Я ходил в детский сад рижского завода ВЭФ, который выпускал среди прочего известные в Союзе “Спидолы”. Мать работала врачом в вэфовской больнице. А поскольку все иностранные делегации посещали этот завод, главное предприятие Латвии, некоторых еще приводили в детский сад, показать детишек. Как-то к нам должна была приехать гэдээровская делегация, и я сказал об этом дома. Тогда отец меня научил фразе “*Mein Bruder ist in Iena geboren*” (“Мой брат родился в Иене”). Когда пришли немцы, я произнес эту фразу, что вызвало буйный восторг, увешали меня значками, задарили чем-то.

- И.Т.** Если бы немцы еще поинтересовались именем вашего братца — Макс Вайль!
- П.В.** Макс Вайль, между прочим, мелкий персонаж в романе Ремарка “Возвращение”. Там есть санитар Макс Вайль, который раза два мелькает.
- И.Т.** А немецкая фамилия отца не вызывала у него проблем, или же она воспринималась перед войной как еврейская?

- п.в.** Вряд ли как немецкая, отец был стопроцентный еврей. Вот в Риге это имело другое звучание. Меня сплошь и рядом, так как я был блондин (пока не поседел), принимали за остзейского немца или, как говорили, “из рижских немцев”. Латыши и местные оставшиеся немцы воспринимали как своего.
- и.т.** Как отец переместился в Ригу?
- п.в.** Его оставили служить в Германии. Занятный эпизод. Вполне скромный человек (отец был очень скромный во всех потребностях, из таких правильных русских интеллигентов), он вдруг оказался капитаном на генеральской должности. Заведовал всеми средствами массовой информации Тюрингии. У него в подчинении черт знает кто только не был. По штату полагалась вилла, с садовником, прислугой, шофером. Фотографии тех времен разглядываю и поражаюсь. Разрушенная Германия — мать в чернобурках, отец в роскошном кожаном пальто! Жили красиво.
- В 49-м году его перевели в Ригу. Стал майором, а в 56-м по хрущевскому большому сокращению армии его уволили в запас. Отец оказался одним из тех несправедливо обиженных: ему оставалось два года до полной выслуги пенсии, а он вышел на бобы. Пошел служить в какое-то строительное управление.
- и.т.** Отцовские наклонности вы тоже унаследовали: ведете пропаганду среди войск противника.
- п.в.** Это вы еще не знаете всего в моей биографии! Я служил в Советской армии срочную службу — два года в полку радиоразведки. Подслушивал американские самолеты и сеть обеспечения ядерных ударов в Европе. Мы их подслушивали и записывали все эти кодированные передачи. Когда я жил в Нью-Йорке и был уже американским гражданином, попал на коктейль-парти, не помню, в связи с каким событием. Разговорился с каким-то человеком,

стоим, у каждого в левой руке по тарелке, в правой по стакану. То-се, где работаете? “На Радио Свобода”. Он говорит: “Я тоже работал на радио, в американской армии. Была такая радиосеть обеспечения ядерных ударов в Европе”. Это 88-й год, еще полная советская власть, перестройка только началась. И тут у меня из памяти вылезли позывные тех станций, и я несколько произнес вслух: *Maple Wood, Bold Eagle*. Он с грохотом уронил разом тарелку и стакан, страшно побледнел, пятясь, ушел в толпу и исчез навсегда. Ясно рисуется: вот она, рука Москвы, наконец взяла его за горло. Так что моя разведдеятельность была широка.

Мы подслушивали американцев, и мифология войны в то время (я служил в 69-м — 71-м годах) была реальной. Только что, в 68-м, вошли танки в Чехословакию, все ощущалось остро, нас так и нацеливали. Как-то захожу в Ленинскую комнату, там командир роты майор Усков ходит, огромный такой мужчина, а на полу расстелена карта Европы с большими красными стрелами. По ней ползает наш полковой художник и спрашивает, не поднимаясь с карачек: “Товарищ майор, на Брюссель чё писать?” Тот, подумав, машет рукой и говорит: “Пиши полторы мега-тонны”.

Майор Усков правильными методами воспитывал в нас ненависть. Популярно объяснял: “Самолет-разведчик поднимается с военно-воздушной базы Эндрюс, СЭШЭА, пересекает Атлантический океан, сделал посадку в британском аэропорту Кроутон, попил чаек, кофе унд какао и летит к нашей границе”. На “унд какао” срывался на фальцет.

Утром в субботу выходили из казармы, в это время зарядки не полагалось, никаких занятий, и раздавался голос из репродуктора: “Начинаем наш еженедельный радиожурнал «За что мы ненавидим империализм»”.

И.Т. А что вы унаследовали по материнской линии?

П.В. Отец с матерью познакомились при самых романтических обстоятельствах — мать, военный врач, оперировала раненого отца на фронте. Но происхождение их диаметрально противоположное.

Мать родилась в Ашхабаде, в семье сектантов-молокан. Это вариант духоборов, у них нет ни церквей, ни священников, ни икон. Библию сами читают, в быту — протестантская суровость. Молокане — оттого, что в пост молоко позволяют.

Корни наши, как мне недавно удалось узнать, довольно любопытные, идут с Тамбовщины. Предок был некий дворянин по фамилии Ивинский (почему-то его произносили с ударением на первый слог), который вдруг воспринял молоканские идеи, отказался от дворянства, выпустил крепостных и уехал в числе прочих единомышленников в Персию. Оттуда ушел в Армению, там было известное молоканское село Еленовка, а вот его потомки уже переселились в Туркмению.

В 80-е годы XIX века Россия колонизовала Среднюю Азию, и поскольку туркмены были всегда кочевниками, они не умели и не любили работать на земле. А земли были хорошие — в предгорьях Копетдага у иранской границы. И вот правительство завлекало туда молокан, которые были замечательные хозяева, непьющие, некурящие, негулящие, им давали наделы почти бесплатно, ссуды на сельскохозяйственные орудия, подъемные на переезд.

Нынешним апрелем я проехал по Средней Азии. Нашел множество родни, о которой не знал, — в Ташкенте, Самарканде. Был в Туркмении. Не всюду меня, к сожалению, пустили: пограничная зона. Но все же отыскал в предгорных селениях остатки молокан, там помнят Семеновых — материнская фамилия Семенова. Этот самый Ивинский,

круто меняя жизнь, сменил и фамилию — на Семенов, в честь основателя молоканства Семена Уклеина.

И.Т. А сколько вот так прожило поколений, между Ивинским и вашей матерью?

П.В. Я думаю, два-три. Дед мой оказался предприимчивым и переехал из этих приграничных поселков в Ашхабад, открыл извоз, такой лошадиный таксопарк. Был состоятельным человеком, и, естественно, в 30-е его раскулачили и расстреляли. А старший брат моей матери, Петр, ушел в Персию. Там жило довольно много русских, которым не нравилась советская власть.

Петр был человек широкий и дружелюбный, его любил местные иранцы и предупредили перед очередной антирусской резней. Бежал обратно в Россию, на границе был пойман и посажен. Отсидел, и вот тут начинается совершенно киношная драма. Петр вышел из тюрьмы, посидел дома, вечером отправился к товарищу, видимо, выпить по случаю освобождения, и в эту ночь произошло знаменитое ашхабадское землетрясение 48-го года. Он погиб, пробыв на свободе меньше одного дня. В его память меня и назвали. Бабка моя осталась жива случайно — потолочная балка упала на спинки кровати и таким образом создала шатер.

Мать в то время жила в Германии. Она родилась в 19-м году в Ашхабаде, окончила Ташкентский медицинский институт, отправилась на фронт, встретила там моего отца. В 49-м они оказались в Риге, где в том же году родился я.

И.Т. Какие ваши детские первые духовные, культурные навыки, воспоминания?

П.В. Книжки — ничего другого не было. Кино в своем детстве не помню. Но очень хорошо помню, как в первый раз увидел телевизор. Мне было лет пять, и у моего одноклассника по детскому саду Вовки Карманова появил-

ся телевизор “КВН”, что расшифровывалось “Купили — Включили — Не работает”. Экран величиной с открытку, прилагалась водяная линза. Расставили стулья, пришли соседи, друзья, на окнах раскрутили черную бумагу. Что смотрели — совершенно не запечатлелось.

Родители мои пребывали в каком-то странном заблуждении, что телевидение мешает учиться, хотя я всю жизнь был отличником, и они сознательно не покупали телевизор. Первый в нашей семье появился, когда мне лет двенадцать было. А книжки в доме были и культивировались. Припоминаю, как отец пытался вечерами устраивать чтение вслух, но я сам научился читать в четыре года, читал без конца.

И.Т. Родители как-то заботились о направлении мысли?

П.В. Нет, видимо, не слишком. Вообще полноценной такой семейной жизни, я думаю, у меня в детстве не было. Что вполне объяснимо. Отец служил, плюс всякие общественные интересы и даже журналистские склонности: член Союза журналистов, пописывал статейки на политические темы, читал лекции о международном положении, все — помимо работы. А мать — врач, приходила разбитая. Вот практическое воспитание было: держали в молоканской строгости и полной самостоятельности. Я с семи лет готовил себе еду, потому что все отправлялись на работу, а я шел в школу во вторую смену. Стирка трусов и носков — это обязательно ежедневно, только сам. Сходить в магазин, пришить пуговицу — все с малолетства. Карманных денег абсолютный минимум — и потому что были небогаты, и потому что считалось развратом. Конечно, никакого алкоголя в доме, отец мог выпить с гостями три-четыре рюмки, мать — одну. Вот курил отец — трубку, так что запах “Золотого руна” — запах детства.